

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-18>

УДК 338.24, 338.001.36

JEL P52, H11, R53, R58

О. В. Тарасова ^{а)}, Е. Н. Исупова ^{б)}^{а, б)} Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация^{а, б)} Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация

Компаративный анализ дифференциации результатов деятельности государственного сектора в регионах РФ и КНР¹

Аннотация. Пространственная неравномерность социально-экономического развития РФ обуславливает исследовательский интерес к возможностям количественного измерения деятельности государственного сектора на региональном уровне. Поиск и адаптация лучших практик развития территорий, используемых в других странах, будут более продуктивными после выполнения компаративного анализа в рамках указанной проблематики. Обзор литературы показал отсутствие актуальных комплексных оценок результатов деятельности госсектора на данных КНР в разрезе провинций, а также компаративных межстрановых исследований в такой постановке. Вышесказанное определило цель настоящей работы. Предлагаемая методика оценки базируется на построении сводного индекса по 73 для РФ и 76 для КНР показателям социально-экономического развития административно-территориальных единиц за 2014–2021 гг. Отдельно для России и Китая рассчитаны сводные региональные индексы результатов деятельности госсектора и субиндексы по 8 блокам: Безопасность; Здравоохранение; Образование, наука и инновации; Социальная поддержка; Спорт и культура; Транспорт; Экология; Экономическое развитие. Лидерами построенных рейтингов со значительным отрывом являются города центрального подчинения. Коэффициент Джини по сводным индексам свидетельствует о низкой дифференциации результатов в обеих странах. Показано, что наиболее интересны с точки зрения заимствования управленческого опыта КНР в территориальном развитии блоки Здравоохранение, Социальная поддержка, Спорт и культура, Транспорт. Результаты исследования могут быть полезны при обосновании приоритетных направлений работы госсектора в регионах, формировании контуров политики регионального развития на перспективу, разработке мер по выравниванию уровня социально-экономического развития регионов РФ. Планируется развивать исследование в направлении оценки пространственных взаимосвязей в работе госсектора в регионах РФ и КНР с помощью индекса Морана, а также системного изучения лучших практик КНР по выделенным направлениям.

Ключевые слова: государственный сектор, Российская Федерация, Китайская Народная Республика, региональная дифференциация, комплексная оценка, индекс результатов деятельности госсектора, рейтинг регионов

Благодарность: Статья подготовлена в рамках выполнения проекта 5.6.3.2. (FWZF-2024-0001) «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов».

Для цитирования: Тарасова, О. В., Исупова, Е. Н. (2025). Компаративный анализ дифференциации результатов деятельности государственного сектора в регионах РФ и КНР. *Экономика региона*, 21(3), 835–847. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-18>

¹ © Тарасова О. В., Исупова Е. Н. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Olga V. Tarasova ^{a)}, Ekaterina V. Isupova ^{b)}^{a, b)} Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS, Novosibirsk, Russian Federation^{a, b)} Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

Comparative Analysis of Public Sector Performance Across Regions in Russia and China

Abstract. The socio-economic disparities across Russia's regions have raised scholarly interest in measuring public sector performance at the regional level. A comparative analysis with other countries can help identify effective development practices, offering valuable insights for addressing regional disparities in public sector performance through the adaptation of international experience. China, with its extensive regional development practices, offers a relevant point of comparison. However, current research lacks comprehensive, up-to-date evaluations of public sector performance in China by province, as well as comparative cross-national studies in this area. This study addresses that gap by proposing an assessment methodology based on a composite index constructed from 73 indicators for Russia and 76 indicators for China, covering socio-economic development in administrative-territorial units from 2014 to 2021. For each country, separate composite indices were calculated to assess public sector performance, along with sub-indices across eight key areas: security, healthcare, education, science and innovation, social support, sports and culture, transport, ecology, and economic development. Cities with central administrative status significantly outperform other regions in the rankings. The Gini coefficient reveals relatively low inequality in composite performance indices across regions in both countries. For Russia, the domains of healthcare, social support, sports and culture, and transport stand out as areas where adopting Chinese management practices could enhance regional development. The results offer guidance for policymakers seeking to reduce regional disparities and promote balanced socio-economic development in Russia. Future research will explore spatial relationships in regional development outcomes using Moran's I and systematically examine Chinese best practices in the identified sectors.

Keywords: public sector, Russian Federation, People's Republic of China, regional differentiation, comprehensive assessment, public sector performance indices, rating of regions

Acknowledgments: The article has been prepared within the framework of the Project 5.6.3.2. (FWZF-2024-0001) "Expert-analytical, organizational and methodological components of the system of indicative planning of scientific and technological and balanced spatial development of Russia in the implementation of large investment projects".

For citation: Tarasova, O.V., & Isupova, E.V. (2025). Comparative Analysis of Public Sector Performance Across Regions in Russia and China. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 21(3), 835-847. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-18>

Введение

Российская Федерация имеет выраженную региональную дифференциацию: регионы страны отличаются друг от друга по уровню экономического развития, географическим и климатическим признакам.

При этом гораздо более выражены региональные диспропорции экономического развития РФ, чем социального. В 2010–2022 гг. разрыв в среднедушевом ВРП (без учета уровня цен) составлял до 40–74 раз, тогда как по обеспеченности граждан социальными благами (например, койко-местами в больницах, среднедушевой площади жилых помещений) различие составляло 2–3 раза, по величине среднедушевых денежных доходов населения — 5–6 раз. В то же время, миграционные потоки на основе фактора дохода постепенно resultируются повышением концентрации эконо-

мически активного населения в отдельных регионах и лишь усиливают экономические диспропорции (Антипин и др., 2020). В долгосрочной перспективе это ухудшит показатели качества жизни и повысит диспропорциональность социального пространства. Следствием отмеченных выше процессов может стать дезинтеграция экономического пространства России и его сжатие, а потом и глубокая рецессия всей экономики страны (Крюков, Коломак, 2021).

Китайская Народная Республика, как и Российская Федерация, имеет достаточно выраженную межрегиональную дифференциацию — в стране сохраняется существенный дисбаланс между центральными, восточными и западными регионами. Вместе с тем, в 2022 г. дифференциация по численности населения и душевому ВРП, оцененная с помо-

щью коэффициента Джини, по китайским провинциям была ниже, чем по российским регионам: 36,53 и 21,47 против 46,91 и 48,01 соответственно. Неравенство административно-территориальных единиц по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате в РФ также выше, чем в КНР (Хугаев, Фартышев, 2023). Такое состояние достаточно стабильно при использовании различных методов оценки, а также существенно не изменяется во времени. В то же время, среднегодовые темпы роста экономики КНР в последние турбулентные годы (с 2019 до 2023) были выше темпов России — 106,45 % против 101,34 %.

РФ и КНР имеют общую границу протяженностью более четырех тысяч километров, активно развивают внешнеэкономическое и инвестиционное сотрудничество, связаны миграционными и туристическими потоками, намечают расширение взаимодействия в рамках проекта «Один пояс, один путь». Наряду с этим возможен обмен успешными практиками снижения межрегиональной дифференциации.

Задачи формирования концепции и стратегии пространственного развития, определения основ политики регионального развития в обеих странах относятся к верхнему уровню власти.

В декабре 2024 г. принята новая Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 г. (с прогнозом до 2036 г.), в основу которой положены формирование сети опорных населенных пунктов и создание экономики предложения, а также особое внимание уделяется геостратегическим территориям (Арктическая зона, новые регионы и т. п.). Вместе с тем, можно проследить преемственность с предыдущим документом, утвержденным в 2019 г., в части опоры на теорию поляризованного развития, которая противоречит целям сокращения дифференциации социально-экономического развития регионов и качества жизни населения на территории (Коломак и др., 2018).

Китай с 2013 г. значительно пересмотрел принципы государственного управления региональным развитием, стремясь обеспечить скоординированное и сбалансированное развитие своих административно-территориальных образований (Deng et al., 2022; Jia et al., 2023; Shi et al., 2023). В конце 1990-х — начале 2000-х гг. также были предприняты попытки достичь сбалансированного развития за счет стимулирования крупных районов страны, включающих отстающие по экономическому развитию территории. По причине низкой результативности предпринятых мер в КНР пе-

решили к программам регионального развития на базе кластеров меньшего размера территорий. Успехи в рамках нового подхода еще предстоит оценить.

Основы государственной политики регионального развития, ее принципы, цели и приоритеты определяют масштабы и механизмы функционирования государственного сектора¹ на территории регионов. В конечном счете, деятельность госсектора должна способствовать снижению неравенства в экономическом и социальном развитии территорий.

Вышесказанное обуславливает исследовательский интерес, во-первых, к возможностям количественного измерения результатов деятельности госсектора в регионах РФ и КНР, а во-вторых, к сравнению достигнутых за один и тот же период результатов по-разному выстроенной системы управления развитием регионов в двух крупнейших странах мира.

Целью данного исследования являлось выявление приоритетных направлений заимствования управленческого опыта КНР в территориальном развитии на основе комплексной оценки и сравнительного анализа результатов деятельности госсектора в регионах РФ и КНР.

Теоретическая база исследования

Проблематика настоящей статьи тесно связана с вопросом оценки эффективности работы органов власти на региональном уровне. Так, В.Н. Лексиным критически обсуждается утвержденная в РФ методика оценки (изначально учитывались около 300 показателей по 7 направлениям). В частности, подвергается сомнению то, что большинство учитываемых показателей являются именно результатом деятельности региональных властей, их усилий. Также ставится вопрос о соотношении результирующих показателей с актуальным списком полномочий субъектов РФ. Поэтому использование годовых оценок при принятии решений о выделении грантов регионам или о карьерных перспективах губернаторов и их команды может быть неэффективным (Лексин, 2012). Плюсом методики, по мнению специалиста, служит учет удовлетворенности населения работой органов власти, т. е. субъективных показателей. В то же время, им подчеркивается сложность адаптации зарубежных методик, а также тот факт, что даже хорошие скрупулезно проработанные методические разработки в данном направлении (Якунин

¹ В данной статье под госсектором будем подразумевать в большей степени органы власти всех уровней, а в гораздо меньшей — государственные предприятия.

и др., 2012) с течением времени перестают быть применимыми и требуют обновления.

Внушительное количество работ посвящено оценке эффективности отдельных государственных программ и инструментов региональной политики (Котов, 2020; Leksin & Porfiriev, 2016; Лимонов, Несена, 2019; Gong & Zhao, 2024). Сравнительный анализ имеющихся методик выявил следующие проблемы: несопоставимость результатов оценок различных программ, проведение оценки эффективности программ только на этапе их реализации и отсутствие такой оценки по завершению программ, отсутствие требований по принятию управленческих решений на основе рассчитанных показателей эффективности (Рыкова, Фокина, 2014). К тому же, поскольку оценка эффективности определяется целевыми показателями и индикаторами, которые заложены в государственную программу, здесь существуют проблемы, связанные с недостаточно обоснованным выбором показателей, их нечеткостью, избыточным/недостаточным количеством, обоснованием целевого уровня.

Вопрос сбалансированного развития территорий актуален не только для РФ и КНР: страны ЕС и ОЭСР имеют целый ряд публикаций, посвященных анализу результативности политики регионального развития. Отмечается, что для повышения эффективности управления социально-экономическим развитием территорий важно проводить комплексный анализ уже достигнутых результатов, используя при этом специальную систему показателей¹. При этом часть показателей являются экзогенными, т. е. не зависят от усилий властей, а наибольший интерес с управленческой точки зрения представляет анализ второй группы факторов, так называемые *outputs & outcomes* (Schumann, 2016), поскольку они служат некоторой оценкой результатов работы госсектора. В любом случае формирование системы показателей должно выполняться с учетом страновых особенностей, что является достаточно сложной исследовательской задачей (Schumann, 2016).

В России составление рейтингов социально-экономического положения регионов является достаточно популярной сферой интереса научного и экспертного сообщества. Так, коллектив СОПС по заказу Минэкономразвития разработал методический подход к оценке уровня

социально-экономического развития регионов (Гришина, Польшин, 2012) на основе 16 факторных характеристик, объединенных в четыре функциональных блока с равным числом показателей: воспроизводственный, инновационно-инфраструктурный, инвестиционно-финансовый и социальный. При этом, однако, часть используемых показателей были интегральными (например, сводный индекс уровня развития социальной инфраструктуры), т. е. анализ включал иерархическую систему индикаторов. В указанной работе представлены результаты оценки за 2006–2010 гг. с применением картографической визуализации. За составлением рейтинга следовало разделение регионов на пять групп по степени благоприятности их положения. В рамках подхода предусматривалось ежегодное проведение оценки для анализа динамики.

В настоящее время подобный рейтинг регионов (доступен по подписке) на основе 19 показателей регулярно составляет РИА-Рейтинг.

По КНР в литературе чаще можно встретить рейтинги по отдельным направлениям социально-экономического развития: по экологии, инновациям, транспортной обеспеченности, включенности в международную торговлю и т. п. Так, в работе X. Tian и др. (2017) в качестве промежуточного шага исследования построены рейтинги по экономическому и экологическому развитию территорий. На материалах 1993–2012 гг. было показано, что сложившиеся модели торговли только усиливают неравенство между западными, центральными и восточными провинциями страны.

Наиболее методически близкими к проблематике настоящей статьи являются работы по оценке эффективности деятельности госсектора экономики, основанные на сопоставлении его результатов и затрат. Так, в работе A. Afonso и соавторов (2005) представлены результаты оценки деятельности госсектора в странах ОЭСР на основе построения индекса результатов работы госсектора по 15 показателям. Н.В. Акиндинова с соавторами (2017) добавили в анализ российский госсектор, показав оценки для РФ и ОЭСР на основе 16 показателей. A.K. Yadava и Y. Neog (2022) апробировали методику для 19 индийских штатов с использованием 11 показателей, выполнив, таким образом, переход на региональный уровень оценки.

Работ, посвященных количественной оценке результатов работы госсектора по провинциям КНР, на сегодняшний день немного. В одной из них на материалах отдельной программы развития 1999 г. «Открытость Востока Китая», подразумевающей большой объем го-

¹ OECD (2009). Governing Regional Development Policy. The use of Performance Indicators. OECD Publications. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2009/03/governing-regional-development-policy_g1gh9e4f/9789264056299-en.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

сударственных вложений в инфраструктурные проекты восточной части страны, анализировалось влияние государственных расходов на темпы экономического роста провинций КНР (Huang et al., 2023). Получается, что авторы изучали скорее инвестиционный импульс.

В 2021 г. в КНР выпущен официальный Национальный стандарт оказания общественных услуг, определяющий систему показателей для получения количественной оценки. Однако, в исследовательских целях он неприменим в силу отсутствия данных для отдельных блоков, например, по направлению армии и обороны (Jia et al., 2023).

Оценка качества общественных услуг в провинциях КНР и анализ ее влияния на различные показатели социально-экономического развития территорий исследовались рядом авторов (Liu et al., 2023; Jia et al., 2023). Jia et al. (2023) оценили качество государственных услуг на основе 22 показателей, распределенных по шести блокам: здравоохранение, социальное обеспечение, инфраструктура, охрана окружающей среды, базовое (начальное) образование и спорт совместно с культурой. Оценка носила вспомогательный характер и использовалась в качестве регрессора при исследовании влияния государственного сектора на здоровье в провинциях КНР. Liu et al. (2023) изучали влияние качества государственных услуг в административно-территориальных образованиях КНР на процессы урбанизации и уровень занятости.

J. Shi с соавторами (2023) провели анализ результативности и эффективности предоставления общественных услуг для 35 городов КНР в период 2011–2018 гг., используя 18 показателей, равномерно разделенных по блокам образования, медицины, социальной политики, транспорта и экологии. Авторы пришли к выводу, что высокий уровень эффективности наблюдался в городах восточной части страны, при этом не всегда качество государственных услуг было высоким в экономически развитых городах страны.

Отдельно отметим исследование Tang et al. (2014), в котором авторы оценили эффективность правительств 31 провинции КНР в период с 2001 по 2010 гг. Их методика учитывала 47 показателей, однако их выбор сомнителен по нескольким причинам. Некоторые из них отражали результат в рамках получения одного и того же типа государственной услуги (принятые и завершенные дела в судах первой инстанции). В то же время сомнительно, что бюджетные расходы, учитываемые колле-

гами в расчетах, можно трактовать как результат работы госсектора. Они скорее являются затратами на получение видимых результатов. Авторы составляли и анализировали ежегодные рейтинги провинций КНР. Однако, годовые колебания по отдельным показателям (например, инвестиционным) могут приводить к неустойчивости оценок, а следовательно, сложностям трактовки результатов и снижению практической значимости расчетов.

Проведенный критический анализ литературы показал отсутствие актуальных комплексных количественных оценок результатов работы госсектора на данных КНР в разрезе провинций, а также компаративных эмпирических межстрановых исследований в такой постановке.

Данные и методы

Для получения комплексных количественных оценок результатов деятельности государственного сектора для провинций КНР и субъектов РФ была применена модификация методики, изложенной в (Tarasova & Sedipkova, 2024).

Первым этапом являлся выбор показателей и формирование блоков результатов деятельности госсектора.

Представляется, что используемая для оценки система показателей должна быть комплексной, отражать широкий спектр национальных целей, проецируемых системой госуправления в регионы, однако вклад каждого отдельного показателя не должен определять положение территорий в лидерах или отстающих по сводному индексу. Другими словами, итоговая оценка должна получиться устойчивой к резким изменениям отдельных индикаторов. Перегруженной систему показателей можно называть при учете нескольких сотен показателей, когда, во-первых, становятся крайне трудоемкими сбор данных и расчет, во-вторых, сложно отследить корреляции между показателями, в-третьих, вклад отдельных индикаторов размывается.

На российских региональных данных собран массив из 73 показателей, для КНР – из 76 показателей. Основным критерием при отборе служили возможность государственного влияния на значение показателя через прямые или косвенные рычаги.

Подчеркнем, что нами проводится разграничение достигнутого уровня регионального развития и получаемой оценки работы госсектора: в расчетах учитываются только социально-экономические показатели групп outputs и outcomes, которые связаны с деятельностью государства (Schumann, 2016). Так, аб-

солютные уровни обеспеченности общественными благами и инфраструктурой трактуются как текущие усилия госсектора по их поддержанию, а приростные показатели — как целенаправленная работа госсектора по улучшению качества жизни населения¹.

Оценка результатов деятельности госсектора в регионах РФ и КНР выполняется по 8 блокам, в которых учтено указанное в скобках количество показателей: Безопасность (для РФ — 4 / для КНР — 9); Здравоохранение (6/8); Образование, наука и инновации (11/7); Социальная поддержка (4/9); Спорт и культура (11/12); Транспорт (10/7); Экология (6/10); Экономическое развитие (17/14).

Источниками данных выступили Федеральная служба государственной статистики² (по РФ) и Национальное бюро статистики КНР³ (по Китаю).

Список учитываемых для расчетов по РФ показателей, представленный в работе (Лаврикова, 2024, приложение И), был скорректирован. В частности, сделано разделение на текущую деятельность по поддержанию инфраструктуры и усилия по ее развитию (прирост количества объектов социальной инфраструктуры, километража дорог и т. п.).

Различия систем статистического наблюдения КНР и РФ не позволяют сформировать абсолютно идентичные системы показателей для комплексной оценки результатов деятельности госсектора на уровне регионов и провинций. Однако, при подборе показателей мы старались охватить 8 аналогичных блоков по направлениям прилагаемых государством усилий, сделать их по возможности сбалансированными по количеству показателей. Полагаем, что присутствующие в выборке различия в наборе показателей и/или в методе их статистического учета не повлияют на возможность получить выводы о более или менее результативном с точки зрения межрегионального неравенства управлении в той или иной сфере.

В расчетах, где было необходимо, использовались относительные показатели с намерением учесть масштаб регионов. Например, обеспеченность спортивными сооружениями учи-

тывалась по формуле коэффициента Энгеля, т. е. с учетом площади региона и среднегодовой численности населения, проживающего в регионе, и т. д. Стоимостные показатели масштабировались на ВРП (объем телекоммуникационных услуг, сальдо прямых иностранных инвестиций), на величину прожиточного минимума или же индекс потребительских цен.

В работе рассмотрены показатели по 31 территориальной единице провинциального уровня КНР: в анализ не были включены специальные административные районы — Гонконг (Сянган) и Макао (Аомынь) по причине отсутствия статистических данных для территорий.

Расчеты по РФ выполнены для 85 субъектов Федерации.

Для исключения годовых колебаний получаемых оценок выполнено сглаживание данных: взяты усредненные значения выбранных показателей за период 2014–2021 гг.⁴ (формула (1)):

$$P_{ir} = \frac{1}{N} \sum_{n=1}^N P_{irn}, \quad (1)$$

где P_{ir} — усредненный уровень показателя i в регионе r , P_{irn} — значение показателя i в регионе r за год n , N — число учтенных лет.

Показателям присваивались различные веса с учетом экспертной оценки степени влияния на них государства (логика присвоения весов описана в работе (Tarasova & Sedipkova, 2024)). Вклад показателей в сводный индекс находился в промежутке от 0,5 % до 2,5 %.

Ввиду предпринимаемой попытки учесть различия в уровне влияния государства на показатели их нормирование производилось нами методом Z-преобразования по формуле (2). Это способствовало «сглаживанию» выбросов в массиве и обеспечило возможность складывать показатели на следующем этапе расчетов. В случае отсутствия корректировки показателей на их среднее значение и вариацию по регионам есть риск получения искаженного результата за счет того, что итоговая сумма будет больше зависеть от показателя, демонстрирующего более высокое стандарт-

¹ Из-за отсутствия в открытом доступе статистических данных по государственным расходам высшего уровня власти по регионам вопросы эффективности работы госсектора вынужденно остаются за бортом исследования.

² Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 01.05.2024).

³ National Bureau of Statistics of China, NBS. <https://data.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 20.01.2025).

⁴ Исследуемый период не включал данные за 2022 г. для выборки обеих стран в силу того, что Россия столкнулась со значительным внешним шоком, который мог повлиять на региональные показатели неравномерно. К тому же этот шок имел меньшую актуальность для Китая.

Допускаем, что влияние внешних для исследуемых стран факторов и в 2014–2021 гг. было различным. В работе будет представлен анализ «наблюдаемого» ответа госсектора на них, тогда как объяснение расхождений в реакции выходит за ее рамки.

ное отклонение, а не того, который получил больший балл.

$$I_{ir} = 100 + \frac{P_{ir} - P_{ir}^{av}}{\sigma_{ir}}, \quad (2)$$

где I_{ir} — нормированное значение P_{ir} в регионе r по показателю i , P_{ir}^{av} — среднее значение по выборке P_{ir} по показателю i , σ_{ir} — стандартное отклонение по выборке P_{ir} по показателю i .

По формуле (3) выполнялось обратное нормирование по показателям, по которым целесообразно снижение значений (например, «Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты»):

$$I_{ir} = 100 - \frac{P_{ir} - P_{ir}^{av}}{\sigma_{ir}}. \quad (3)$$

Оценка P_{kr} результатов по блоку k в регионе r и нормированный субиндекс I_{kr} по блоку k в регионе r рассчитывались по формулам (4), (5) соответственно. Таким образом, субиндексу региона с наилучшим результатом по блоку присваивалось значение 100, а худшего — 1.

$$P_{kr} = \sum_{i=1}^{i_k} I_{ir} \alpha_i; \quad (4)$$

$$I_{kr} = 1 + \frac{P_{kr} - P_{kr}^{min}}{P_{kr}^{max} - P_{kr}^{min}} \cdot 99, \quad (5)$$

где i_k — количество показателей в блоке k , α_i — вес показателя i , P_{kr}^{min} и P_{kr}^{max} минимальное и максимальное значения P_{kr} в выборке по блоку k .

Сводный индекс P_r для региона r , нормированный индекс I_r деятельности госсектора в регионе r рассчитывались по формулам (6), (7):

$$P_r = \sum_{k=1}^8 P_{kr}; \quad (6)$$

$$I_r = 1 + \frac{P_r - P_r^{min}}{P_r^{max} - P_r^{min}} \cdot 99, \quad (7)$$

где P_r^{min} и P_r^{max} — минимальное и максимальное значения P_r в выборке.

По сводному индексу результатов госсектора выполнено ранжирование регионов РФ и провинций КНР с последующей картографической визуализацией.

Важно уточнить, что полученные оценки носят относительный характер. Низкие значения индексов следует трактовать не как признак низкого качества выполнения государственных функций в регионе, а исключительно как указание на наличие регионов с лучшими результатами.

Дальнейший анализ включал обсуждение лидеров и аутсайдеров страновых рейтингов, оценку дифференциации значений сводного индекса через расчет коэффициента Джини, оценку гипотезы о зависимости достигнутых госсектором региона результатов и его размера, сравнение результатов госсектора по регионам РФ и КНР в разрезе исследуемых блоков для выявления наиболее перспективных сфер для заимствования управленческих практик.

Результаты и выводы

На рисунке 1 картографически представлены полученные оценки сводного индекса результатов деятельности госсектора в регионах РФ. Если значение показателя выше медианного, то территория окрашивается в зеленый цвет, в противном случае — в красный. Интенсивность цвета отражает степень отклонения: чем темнее окрашена территория, тем больше у нее уровень отклонения от медианного значения индекса.

Полученные оценки говорят о том, что более результативным оказался госсектор в регионах ЮФО и ЦФО. В Сибири, на юге Урала и Дальнего Востока РФ результаты госсектора в среднем скромнее. Заметим, что приграничные с Китаем регионы находятся среди аутсайдеров рейтинга, за исключением Хабаровского края. Результаты ниже среднего показали также субъекты Северного Кавказа и СЗФО (кроме Мурманской области и Ненецкого АО). Индекс для северных регионов РФ в целом получился выше.

Безоговорочными лидерами рейтинга являются три города федерального значения (1-е место — г. Санкт-Петербург). Отрыв 4-го места (Сахалинская область) от лидера составляет 47,65, 5-го места (Республика Татарстан) — 52,05, а 10-го места (Курская область) — 55,77.

Перейдем к обсуждению результатов оценки по провинциям КНР.

Из рисунка 2 видно, что провинции Хайнань, Гуандун, Цзянси, Аньхой, Чжэнцзян, Шаньдун, Гуйчжоу, а также города центрального подчинения Шанхай, Пекин, Тяньцзинь и Чунцин демонстрируют высокие в сравнении с остальными территориями достигнутые значения сводных индексов. При этом явным лидером является Шанхай — городу присвоено наивысшее значение индекса, равное 100. За Шанхаем со значительным отрывом следуют Пекин и Тяньцзинь (76 и 74 баллов соответственно). Отрыв тройки лидеров от следующих за ними в рейтинге регионов страны также значителен: Гуандун (4-е место) имеет

Рис. 1. Сводный индекс результатов деятельности госсектора по субъектам Федерации за период 2014–2021 гг. (источник: выполнено авторами по результатам расчетов)

Fig. 1. Composite Index of Public Sector Performance by Regions of Russia for 2014–2021 (Source: Calculated by the authors)

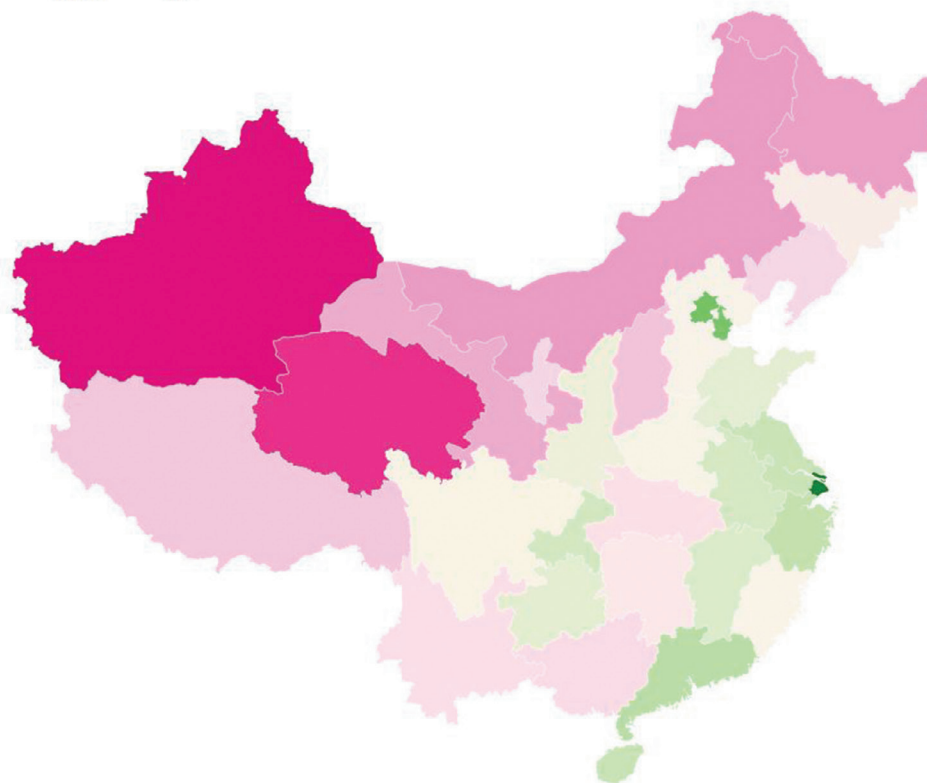

Рис. 2. Сводный индекс результатов деятельности госсектора по провинциям КНР за период 2014–2021 гг. (источник: выполнено авторами по результатам расчетов)

Fig. 2. Composite Index of Public Sector Performance by Chinese Provinces for 2014–2021 (Source: Calculated by the authors)

уже 58 баллов, а Чжэнцзян (5-е место) — 54 балла. Дифференциация среди провинций, не входящих в топ-5 рейтинга, незначительна, что, возможно, является следствием сбалансированной региональной политики, которую более десяти лет декларирует китайское правительство (Deng, 2022).

Отметим, что в среднем выше оказались сводные индексы у группы восточных провинций (кроме Ляонинь), а также некоторых центральных: Сычуань, Чунцин, Гуйчжоу, Аньхой, Хубэй, Шэньси.

Коэффициент Джини для сводных индексов в КНР составляет 0,326, что указывает на низкий уровень дифференциации результатов деятельности госсектора между провинциями. Однако это значение выше, чем аналогичный показатель для РФ (0,244).

Интерес представляет корреляционный анализ результатов работы госсектора и размера регионов в терминах площади территории, численности населения и ВРП.

Расчеты показали (табл.1), что в период с 2014 г. до 2021 г. в субъектах РФ с большим уровнем ВРП и большей численностью населения наблюдалось более высокое значение индекса. Размер территорий не скоррелирован с результативностью госсектора.

В КНР более высокий уровень результатов деятельности госсектора наблюдался в административно-территориальных единицах с более высоким ВРП и меньшей площадью территории. Вместе с тем, показатель численности населения не демонстрировал сопоставимой динамики с индексом результативности госсектора.

Сводный индекс имеет низкую медиану как в РФ (29,49), так и в КНР (31,68), что озна-

чает отставание большинства регионов от лидеров по многим показателям. При этом структура отставания различается: в России наиболее выраженные разрывы характерны для блоков Социальная поддержка, Спорт и культура, Здравоохранение и Транспорт (рис. 3). В Китае же самые значительные различия между лидирующими провинциями и основной массой наблюдаются в сферах Экология и Спорт и культура.

Сравним медианы для блоков работы госсектора двух стран: медианы в КНР выше по блокам Здравоохранение, Социальная поддержка, Спорт и культура, Транспорт.

Полагаем, что именно эти сферы наиболее интересны с точки зрения заимствования управленческого опыта КНР в территориальном развитии.

Заключение

В статье описан авторский подход к количественной оценке результатов деятельности госсектора, который был апробирован на данных за 2014–2021 гг. субъектов РФ и провинций КНР. Подход основан на получении сводных индексов из 73 и 76 показателей для РФ и КНР соответственно, по значениям которого сформированы рейтинги административно-территориальных образований рассматриваемых государств.

Предпринятый сравнительный анализ региональных контрастов в работе государственного сектора по отдельным направлениям для РФ и КНР характеризуется научной новизной.

На основе результатов расчетов было обосновано, что управленческий опыт КНР в сфере Здравоохранение, Социальная поддержка,

Таблица 1

Корреляционный анализ сводного индекса результатов деятельности госсектора и размера региона для РФ и КНР

Table 1

Correlation Analysis of the Composite Public Sector Performance Index and Region Size for Russia and China

РФ (85 административно-территориальных единиц)			
	ВРП	Численность населения	Площадь территории
P_r (на основе 73 показателей)	0,5875* (0,000)	0,4205* (0,001)	0,0132 (0,9043)
КНР (31 административно-территориальная единица)			
	ВРП	Численность населения	Площадь территории
P_r (на основе 76 показателей)	0,4005* (0,026)	0,1410 (0,4493)	–0,6138* (0,0002)

Примечание: в скобках представлен уровень р-значимости для оценки уровня корреляции, * – уровень значимости при 5 %.
Источник: составлено авторами по результатам расчетов.

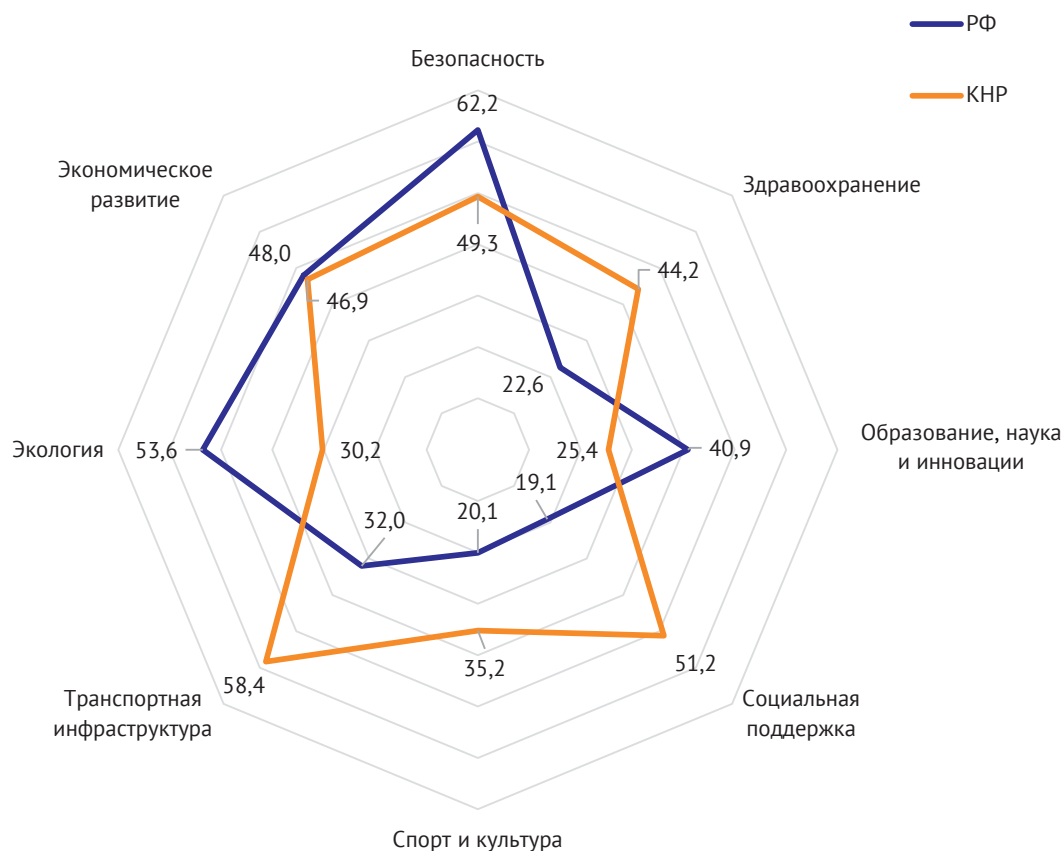

Рис. 3. Медианы по субиндексам блоков работы госсектора в регионах РФ и провинциях КНР (источник: выполнено авторами по результатам расчетов)

Fig. 3. Medians of Subindexes for Public Sector Performance Blocks in Russian Regions and Chinese Provinces (Source: Calculated by the authors)

Спорт и культура и Транспорт наиболее интересен с точки зрения поиска лучших управленческих практик и адаптации для применения в территориальном развитии РФ.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны при обосновании приоритетных направлений работы госсектора в регионах, формировании контуров политики регионального развития на перспективу, разработке мер по выравниванию уровня социально-экономического развития регионов РФ.

Ограничением применяемой методики анализа является невозможность выявить конкретные институциональные механизмы, которые могли бы быть заимствованы. На данном этапе были обнаружены несколько современных масштабных проектов скоординированного и сбалансированного развития территорий, однако

данный вопрос требует системного изучения соответствующих направлений развития, задействованных в них практик управления, что планируется выполнить на следующем этапе работы.

Кроме того, на основе имеющихся расчетов планируется провести пространственный анализ зависимости результативности политики регионального развития в РФ и КНР. Компаративный анализ пространственной корреляции результативности госсектора позволит судить о характере межрегиональных взаимосвязей внутри каждой из стран. Одновременно он выявит наиболее яркие кейсы взаимозависимого, взаимодополняющего развития административно-территориальных единиц для дальнейшего анализа управленческих практик и оценки возможностей трансляции институтов развития в РФ.

Список источников

- Акиндинова, Н. В., Чернявский, А. В., Авдеева, Д. А. (2017). Результативность бюджетных расходов в России и странах ОЭСР. *Вопросы экономики*, (2), 30–61. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-30-61>
- Антипин, И. А., Власова, Н. Ю., Иванова, О. Ю. (2020). Стратегические приоритеты управления пространственными диспропорциями социально-экономического развития регионов России. *Управленец*, 11(6), 28–43. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-6-3>

- Гришина, И. В., Полянев, А. О. (2012). Инновационные технологии диагностики регионального развития Российской Федерации. *Транспортное дело России*, (6-2), 27–31.
- Коломак, Е. А., Крюков, В. А., Мельникова, Л. В., Селиверстов, В. Е., Суслов, В. И., Суслов, Н. И. (2018). Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии. *Регион: экономика и социология*, (2(98)), 264–287. <https://doi.org/10.15372/REG20180212>
- Котов, А. В. (2020). Оценка эффективности инструментов региональной политики. *Экономика региона*, 16(2), 352–362. <https://doi.org/10.17059/2020-2-2>
- Крюков, В. А., Коломак, Е. А. (2021). Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 227(1), 92–114. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114>
- Лаврикова, Ю. Г. (ред.) (2024). *Большой Урал: социально-экономические и пространственные изменения в первые десятилетия XXI века*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 607.
- Лексин, В. Н. (2012). Результативность и эффективность действий региональной и муниципальной власти: назначение и возможности корректной оценки. *Регион: экономика и социология*, (1), 3–39.
- Лимонов, Л. Э., Несена, М. В. (2019). Оценка воздействия государственных инвестиционных программ на показатели социально-экономического развития территорий. *Вопросы экономики*, (1), 109–123. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-109-123>
- Рыкова, И. Н., Фокина, Т. В. (2014). Совершенствование подходов к системе оценки эффективности государственных программ Российской Федерации. *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики*, (9–10), 64–73.
- Хугаев, Т. Р., Фартышев, А. Н. (2023). Социально-экономическая дифференциация регионов Китайской Народной Республики и Российской Федерации: компаративный анализ. *Российско-китайские исследования*, 7(2), 200–213. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7\(2\).200-213](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(2).200-213)
- Якунин, В. И., Сулакшин, С. С., Багдасарян, В. Э., Орлов, И. Б., Строганова, С. М. (2012). *Качество и успешность государственных политик и управления*: монография. Москва: Научный эксперт, 496.
- Afonso, A., Schuknecht, L., & Tanzi, V. (2005). Public sector efficiency: An international comparison. *Public Choice*, 123(3–4), 321–347. <https://doi.org/10.1007/s11127-005-7165-2>
- Deng, X., Liang, L., Wu, F., Wang, Z., He, S. (2022). A review of the balance of regional development in China from the perspective of development geography. *Journal of Geographical Sciences*, (32), 3–22. <https://doi.org/10.1007/s11442-021-1930-0>
- Gong, G., & Zhao, Y. (2024). Ecology versus economic development: Effects of China's Yangtze River Economic Belt strategy. *International Studies of Economics*, 19(3), 330–352. <https://doi.org/10.1002/ise3.75>
- Huang, J., Shen, J. H., & Sun, Z. (2023). Understanding China's Economic Growth from a Regional Policy Perspective. *China & World Economy*, 31(3), 1–26. <https://doi.org/10.1111/cwe.12468>
- Jia, W., Liu, L., Wang, Z., & Peng, G. (2023). Analysis of the impact of public services on residents' health: A spatial econometric analysis of Chinese provinces. *International Journal of Public Health*, 68. <https://doi.org/10.3389/ijph.2023.1605938>
- Leksin, V. N., & Porfiryev, B. N. (2016). Evaluation of the effectiveness of government programs of socioeconomic development of regions of Russia. *Studies on Russian Economic Development*, 27(4), 418–428. <https://doi.org/10.1134/s1075700716040109>
- Liu, J., Ma, X., Zhang, J., & Zhang, S. (2023). New-type urbanization construction, shift-share of employment, and CO2 emissions: Evidence from China. *Environmental Science and Pollution Research*, 30, 26472–26495. <https://doi.org/10.1007/s11356-022-23880-2>
- Schumann, A. (2016). Using outcome indicators to improve policies: methods, design strategies and implementation. *OECD Regional Development Working Papers*, (2016/02). Paris: OECD Publishing. <https://dx.doi.org/10.1787/5jm5cgr8j532-en>
- Shi, J., Dai, X., Duan, K., & Li, J. (2023). Exploring the performances and determinants of public service provision in 35 major cities in China from the perspectives of efficiency and effectiveness. *Socio-Economic Planning Sciences*, 85, 101441. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2022.101441>
- Tang, R., Tang, T., & Lee, Z. (2014). The efficiency of provincial governments in China from 2001 to 2010: measurement and analysis. *Journal of Public Affairs*, 14(2), 142–153. <https://doi.org/10.1002/pa.1518>
- Tarasova, O. V., & Sedipkova, S. V. (2024). Assessing public sector performance in regions of the Russian Federation. *Regional Research of Russia*, 14(2), 296–305. <https://doi.org/10.1134/s2079970524600185>
- Tian, X., Geng, Y., Viglia, S., Bleischwitz, R., Buonocore, E., & Ulgiati, S. (2017). Regional disparities in the Chinese economy. An emergy evaluation of provincial international trade. *Resources Conservation and Recycling*, 126, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2017.07.017>
- Yadava, A. K., & Neog, Y. (2022). Public Sector Performance and efficiency assessment of Indian States. *Global Business Review*, 23(2), 493–511. <https://doi.org/10.1177/0972150919862664>

References

- Afonso, A., Schuknecht, L., & Tanzi, V. (2005). Public sector efficiency: An international comparison. *Public Choice*, 123(3–4), 321–347. <https://doi.org/10.1007/s11127-005-7165-2>
- Akindinova, N. V., Chernyavsky, A. V., & Avdeeva, D. A. (2017). Effectiveness of budget expenditures in Russia and OECD countries. *Voprosy ekonomiki*, (2), 30–61. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-30-61> (In Russ.)

- Antipin, I.A., Vlasova, N.Yu., & Ivanova, O.Yu. (2020). Strategic priorities for managing spatial inequalities in the socio-economic development of the Russian regions. *Upravlenets [The Manager]*, 11(6), 28–43. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-6-3> (In Russ.)
- Deng, X., Liang, L., Wu, F., Wang, Z., He, S. (2022). A review of the balance of regional development in China from the perspective of development geography. *Journal of Geographical Sciences*, (32), 3–22. <https://doi.org/10.1007/s11442-021-1930-0>
- Gong, G., & Zhao, Y. (2024). Ecology versus economic development: Effects of China's Yangtze River Economic Belt strategy. *International Studies of Economics*, 19(3), 330–352. <https://doi.org/10.1002/ise3.75>
- Grishina, I., & Polinev, A. (2012). Innovative diagnostic technology for regional development of Russian Federation. *Transportnoe delo Rossii [Transport business in Russia]*, (6-2), 27–31. (In Russ.)
- Huang, J., Shen, J.H., & Sun, Z. (2023). Understanding China's Economic Growth from a Regional Policy Perspective. *China & World Economy*, 31(3), 1–26. <https://doi.org/10.1111/cwe.12468>
- Jia, W., Liu, L., Wang, Z., & Peng, G. (2023). Analysis of the impact of public services on residents' health: A spatial econometric analysis of Chinese provinces. *International Journal of Public Health*, 68. <https://doi.org/10.3389/ijph.2023.1605938>
- Khugaev, T.R., & Fartyshev, A.N. (2023). Socio-economic differentiation of the regions of the People's Republic of China and the Russian Federation: A comparative analysis. *Rossiisko-kitaiskie issledovaniya [Russian & Chinese Studies]*, 7(2), 200–213. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7\(2\).200-213](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(2).200-213) (In Russ.)
- Kolomak, E.A., Kryukov, V.A., Melnikova, L.V., Seliverstov, V.E., Suslov, V.I., & Suslov, N.I. (2018). Spatial development strategy of Russia: expectation and reality. *Region: ekonomika i sociologiya [Region: Economics & Sociology]*, (2(98)), 264–287. <https://doi.org/10.15372/REG20180212> (In Russ.)
- Kotov, A.V. (2020). Assessing the Efficiency of Regional Policy Tools. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 16(2), 352–362. <https://doi.org/10.17059/2020-2-2> (In Russ.)
- Kryukov, V.A., & Kolomak, E.A. (2021). Spatial development of Russia: main problems and approaches to the solution. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]*, 227(1), 92–114. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114> (In Russ.)
- Lavrikova, Yu.G. (Ed.) (2024). *Bol'shoi Ural: sotsial'no-ekonomicheskie i prostranstvennye izmeneniya v pervye desyatiletiya XXI veka [The Great Urals: Socio-economic and spatial changes in the first decades of the 21st century]*. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, 607. (In Russ.)
- Leksin, V.N. (2012). Effectiveness of regional and local authorities: purposes and possibilities of the correct assessment. *Region: ekonomika i sociologiya [Region: Economics and Sociology]*, (1), 3–39. (In Russ.)
- Leksin, V.N., & Porfiryev, B.N. (2016). Evaluation of the effectiveness of government programs of socioeconomic development of regions of Russia. *Studies on Russian Economic Development*, 27(4), 418–428. <https://doi.org/10.1134/s1075700716040109>
- Limonov, L.E., & Nesena, M.V. (2019). Evaluation of the impact of public investment programs on social and economic performance of territories. *Voprosy Ekonomiki*, (1), 109–123. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-109-123> (In Russ.)
- Liu, J., Ma, X., Zhang, J., & Zhang, S. (2023). New-type urbanization construction, shift-share of employment, and CO2 emissions: Evidence from China. *Environmental Science and Pollution Research*, 30, 26472–26495. <https://doi.org/10.1007/s11356-022-23880-2>
- Rykova, I.N., Fokina, T.V. (2014). Improving approaches to evaluating the effectiveness of the system of state programs of the Russian Federation. *Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki [Modern science: actual problems of theory and practice]*, (9–10), 64–73. (In Russ.)
- Schumann, A. (2016). Using outcome indicators to improve policies: methods, design strategies and implementation. *OECD Regional Development Working Papers*, (2016/02). Paris: OECD Publishing. <https://dx.doi.org/10.1787/5jm-5cgr8j532-en>
- Shi, J., Dai, X., Duan, K., & Li, J. (2023). Exploring the performances and determinants of public service provision in 35 major cities in China from the perspectives of efficiency and effectiveness. *Socio-Economic Planning Sciences*, 85, 101441. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2022.101441>
- Tang, R., Tang, T., & Lee, Z. (2014). The efficiency of provincial governments in China from 2001 to 2010: measurement and analysis. *Journal of Public Affairs*, 14(2), 142–153. <https://doi.org/10.1002/pa.1518>
- Tarasova, O.V., & Sedipkova, S.V. (2024). Assessing public sector performance in regions of the Russian Federation. *Regional Research of Russia*, 14(2), 296–305. <https://doi.org/10.1134/s2079970524600185>
- Tian, X., Geng, Y., Viglia, S., Bleischwitz, R., Buonocore, E., & Ulgiati, S. (2017). Regional disparities in the Chinese economy. An emergy evaluation of provincial international trade. *Resources Conservation and Recycling*, 126, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2017.07.017>
- Yadava, A.K., & Neog, Y. (2022). Public Sector Performance and efficiency assessment of Indian States. *Global Business Review*, 23(2), 493–511. <https://doi.org/10.1177/0972150919862664>
- Yakunin, V.I., Sulakshin, S.S., Bagdasaryan, V.E., Orlov, I.B., & Stroganova, S.M. (2012). *Kachestvo i uspehnost' gosudarstvennykh politik i upravleniya: monografiya [Quality and success of government policy and governance: monograph]*. Moscow: Nauchnyi ekspert Publ., 496. (In Russ.)

Информация об авторах

Тарасова Ольга Владиславовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (ИЭОПП СО РАН); доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; Scopus Author ID: 56500128100; <https://orcid.org/0000-0003-3523-7641> (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17; Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; e-mail: tarasova.o.vl@gmail.com).

Исупова Екатерина Николаевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (ИЭОПП СО РАН); доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; Scopus Author ID: 56731311600; <https://orcid.org/0000-0003-3931-3373> (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17; Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; e-mail: e.meltenisova@g.nsu.ru).

About the authors

Olga V. Tarasova – Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Associate, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS; Associate Professor, Novosibirsk National Research State University; Scopus Author ID: 56500128100; <https://orcid.org/0000-0003-3523-7641> (17, Academician Lavrentyev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; 1, Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: tarasova.o.vl@gmail.com).

Ekaterina V. Isupova – Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS; Associate Professor, Novosibirsk National Research State University; Scopus Author ID: 56731311600; <https://orcid.org/0000-0003-3931-3373> (17, Academician Lavrentyev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; 1, Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: e.meltenisova@g.nsu.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 29.01.2025.

Прошла рецензирование: 19.03.2025.

Принято решение о публикации: 27.06.2025.

Received: 29 Jan 2025.

Reviewed: 19 Mar 2025.

Accepted: 27 Jun 2025.